

A. P. ...

...

...

Станюкович К.М. Собр.соч. в 10 томах. Том 1 //Издательство «Правда»,
Москва, 1977
FB2: "Ustas ", 2006-09-30, version 1.0
UUID: 46B9EA80-625E-481F-A173-7D851556815B
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

На уроке

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0014
III.....	.0021
IV.....	.0024
V.....	.0028

**Константин Михайлович
Станюкович
На уроке**

Глухая осень. Дождь зарядил с ночи и мелкой дробью барабанит по крышам и окнам. Пасмурное, мокрое, петербургское утро, такое, когда, ворча и хмурясь, с неохотой расстаешься с теплою постелью, гонимый нуждою на мокрую улицу.

Сумрачно показалось утро на улице, но еще сумрачней заглянуло оно в узкий переулочек на Петербургской стороне и пробралось через мокрый серый забор в небольшую комнату надворного строения. Серым полусветом осветило оно бедную обстановку в комнате: стол, прислонившийся к стене, о трех ножках, этажерку с книгами и маленький клеенчатый диванчик... На нем, свернувшись клубком, лежал молодой человек, покрытый шинелью.

Из себя молодой человек худощав, чуть-чуть бледен. Глаза неглупые, серые с блеском; волосы темные, кудреватые, откинулись назад, оставляя открытым большой широкий лоб. Общее впечатление: энергичное, хорошее лицо с добродушной, несколько лукавой

улыбкой, показывающей в характере долю юмора.

Ворошилов только что проснулся. Он протер глаза, приподнялся и взглянул в окно. Увидав дождь, Ворошилов слегка поморщился и, взяв с полу сапоги, внимательно их осмотрел. Подметки на сапогах были истерты, и огромные дыры на каждом сапоге зияли темными пропастями.

— Эка, как скоро носятя! — проговорил Ворошилов и стал одеваться.

Скоро Ворошилов был готов. Исправив свое старенькое, много поношенное платье, молодой человек подошел к этажерке и не без аппетита принялся за ломоть ситника.

“Чай, Агафья опять самовар предложит!” — подумал он.

И только что пробежала эта мысль, как в комнату вошла кухарка Агафья и сказала:

— Давать, что ли, самовар?

— Нет, Агафья, не давать. Что-то не хочется сегодня чаю.

Однако Агафья заподозрила искренность отказа. Она находила несколько странным не желать по утрам (особенно по таким сырым,

холодным утром!) горячего чаю или кофе, а жилец (вспомнила Агафья) вот уже дней с десять как на вопросы агафьины: “давать ли самовар?” — отвечал: “не хочется”.

Агафья нерешительно мялась на пороге. Ее рябое, покрытое оспенными ямками, рыжеватое, доброе лицо выражало некоторую внутреннюю борьбу. Заскорузлые ее пальцы вовсе без пути шмыгали по стене, а глаза — тусклые, старые такие глаза! — не в меру часто моргали.

— Вы бы, Николай Николаич, — наконец сказала кухарка, — выпили бы чайку, право. У меня чай и сахар есть, коли не побрезгуете. Лишние! — добавила старуха.

— Спасибо, Агафья. Не хочется.

— Ведь этак и заболеть недолго. Встамши, надо горячее. Без горячего — нельзя.

— Можно! — улыбнулся Ворошилов. — Вот на урок пойду — там выпью.

— Ну, как знаешь! — с сердцем воркнула Агафья и вышла вон.

На кухне Агафья стала чистить сапоги другим жильцам и вспомнила про то, что у Ворошилова сапоги худы.

“Эка сиротливый!..” — подумала кухарка.

Молодой человек внушал Агафье большое участие, и она словно бы мать заботилась о Ворошилове. То без просьбы с его стороны лачку к его жилетке прикинет, то украдкой рубашку ему выстирает, то — случилось — побольше дровец в его комнату принесет, несмотря на хозяйкину воркотню. Агафья сама была одинокая старуха — родные были далеко, в Пермской губернии — и искренно жалела одинокого Ворошилова.

— И не дает бог ему счастья!.. Все доброта! — не без злобы к этому качеству, проговорила Агафья и остановилась чистить сапоги.

С минуту она раздумывала. Потом подошла к своей кровати, оглядываясь, достала из-под нее маленький красный сундучишко и, сняв с образка ключ, отперла сундук. В агафьином сундуке было много всякой дряни, которую тем не менее Агафья очень берегла и не без гордости звала своим именем. Имя это было разнообразно; в сундуке была всякая всячина: старый подсвечник из томпаковой меди [1] несколько тряпья, дырявая тальма [2], несколько изорванных детских со-

рочек, бронзовая цепочка, купленная несколько лет тому назад для некоего городского, обещавшего на ней жениться, две-три пустых помадных банки, словом, немало всякого хлама, собранного Агафьей во время мыканья “по людям”. Раскопав этот хлам, Агафья добралась до заветного уголка и вытащила оттуда старое порыжелое портмоне. В нем было на десять рублей бумажками и рубля на три мелочи. Агафья, крадучись, пересчитала деньги, прикопленные несколькими годами подневольного житья, и тут же ей вспомнилось:

— Кабы не этот рыжий дьявол, было бы шестнадцать рублей!.. Эх, мазурики!

Воспоминание это относилось, конечно, к городовому, который, заняв у Агафьи три рубля и поклявшись перед образом, что на будущей же неделе женится, мало того что не женился и не отдал денег, но даже с тех пор и не показывался на глаза.

— Без них и лучше! По крайности имение целое будет! — вздохнула Агафья, пересматривая свои капиталы.

Сперва кухарка отложила на кровать си-

ненькую с твердою решимостью в глазах, но через минуту сердце ее сжалось тоской. Она жалобно посмотрела на пятирублевую бумажку, словно бы, расставаясь с ней, она расставалась с любимым ребенком изо всего семейства.

— Довольно с него и трех! — блеснуло в агафьиной голове, и кухарка положила пятирублевую бумажку обратно в портмоне.

Бережно уложив имение и замкнув сундучишко, Агафья положила зелененькую в карман и несколько робко вошла в комнату Ворошилова.

— Николай Николаич. А что я вам скажу? — начала Агафья.

— А что, Агафьюшка? — спросил Ворошилов.

Кухарка опять заметалась и стала снова без пути скрести пальцами о стену.

— Я бы вас, Николай Николаич, попросила... (Тут Агафья поперхнулась, точно у нее кусок в горле засел.) Я говорю, Николай Николаич, что так как теперича... Но только вы... (Агафья решительно стала заикаться, и ее добрые глаза моргали без зазрения совести.)

Зачем же быть гордыми? Я, то исть, от сердца... И сам господь бог повелел... Возьмите вот три рубля! — наконец выговорила старуха и, вся покрасневшая, подала дрожащей рукой бумажку Ворошилову.

Молодой человек ничего не сказал, только пожал агафьину руку и заметил спустя несколько времени:

— Спасибо, Агафья. Только, чай, у вас у самой не густо денег?

— Есть еще. Только вы, Николай Николаич, не обидьте. Отдадите, когда бог поможет.

Капли пота струились по лицу кухарки, когда она вышла из комнаты к себе на кухню. Точно она какое-то трудное дело свершила. Но, свершив его, — она боялась, что Ворошилов откажется, — она повеселела и весь остальной день сносила хозяйкину воркотню, не огрызаясь, хотя огрызаться была мастерица, и даже вычистила маленькому хозяйскому сынишке башмаки, что делала крайне редко и что свидетельствовало о ее добром расположении духа.

Ворошилов ходил из угла в угол и только повторял:

— Экая деликатная! И откуда только набралась она этой тонины!

Потом подошел к столу и заглянул в свою расходную книжку. В ней было изображено следующее:

Расходы (примерные) на ноябрь.

Матушке отослать 5 р.

За квартиру 6 “

На стол 5 “

Фуражку новую 1 “

Сапоги 3 “

На покупку книг 3 “

Четверку чаю — 25 к.

Три фунта сахара — 50 “

Стирка белья — 75 “

Табак и гильзы — 75 “

За чтение в библиотеку — 50 “

Уплатить долгу 2 -

Разные расходы 3 -

—

Итого 30 р. 75 к.

— Надо сократить расходы! Эх, кабы Буков-

нин дал сегодня денег! — подумал молодой человек.

Немного спустя Ворошилов шел на урок, на Английский проспект. Дождь не унимался и заставлял молодого человека прибавить шагу. Через час Ворошилов позвонил у дверей квартиры Петра Ивановича Буковнина.

Семейство Буковниных сидело еще за самоваром, когда в столовую вошел Ворошилов. Петр Иванович — пожилой господин, лет сорока пяти, в халате, с сигарой в зубах, поспешил приветливо пожать Ворошилову руку и добродушно пригласил его выпить чаю.

— На дворе холодно. Вы, Николай Николаевич, верно, озябли, — заметил он и обратился к жене:

— Соня! Налей-ка поскорей Николай Николаевичу чаю...

Молодая и красивая брюнетка в белом пеньюаре налила чаю и, подавая молодому человеку, улыбнулась и сказала:

— Смотрите, не обожгитесь. Горячий!..

— Не обожгусь!..

— Ну, батенька, каково мои гвардейцы успевают? Только вы не хвалите их, а правду говорите.

Два маленькие мальчика — сыновья Буковнина — посмотрели на Ворошилова и покраснели.

— Небось, заранее стыдно, что Николай

Николаевич побранит? — засмеялся Петр Иванович.

— Ничего. Учатся хорошо, — ответил Ворошилов.

— Ну, а Соня как?.. — спросил Буковнин.

— Софья Ивановна только присутствует при уроках...

— И меня, Pierre, в ученицы записал?.. — надула губки молодая дама.

— Усердна уж очень стала... Видно, охота учиться! — несколько сухо сказал муж.

Ворошилов хотел было ответить, что Софья Ивановна не учится, а только ему мешает, но промолчал и усердно допил свой стакан.

Через несколько времени дети с Ворошиловым пошли в классную комнату. Скоро туда пришла и Софья Ивановна.

Ворошилов и не подозревал, что имел несчастье понравиться молодой женщине. Правда, он несколько удивился и даже сконфузился, когда, месяца три тому назад, Софья Ивановна пришла в классную комнату и просила позволения присутствовать при уроках. “Верно, от скуки”, — подумал Ворошилов и

спокойно продолжал урок. Но, когда Софья Ивановна и на следующий день пришла в классную, Ворошилов даже несколько осердился. “Чего ей надо? Уж не за благонамеренностью ли уроков наблюдать?” Но барыня продолжала аккуратно приходить на уроки и сидела очень смиренно. Мало-помалу Ворошилов привык к присутствию молодой женщины и не обращал на нее внимания.

Раз только он заметил, что молодая женщина на него пристально смотрит. Он взглянул на нее. Она сконфузилась.

Что-то неопределенное, не то насмешка, не то сочувствие, промелькнуло у Ворошилова.

“Какой красивый однако этот учитель!” — подумала Софья Ивановна.

И молодая женщина стала мечтать далее. Конечно, мечты эти касались молодого человека. Софья Ивановна мысленно сравнивала красивую молодую фигуру Ворошилова с толстым, не совсем уклюжим, седоватым Петром Ивановичем и находила, что Ворошилову было бы лучше на месте Петра Ивановича. “Если б его одеть в мужнин мундир да повести

на бал, он бы произвел впечатление... Экие у него густые волосы!”

— Да не так! — раздался голос Ворошилова, внимательно следящего за задачей. — Ну, помножьте дробь на дробь. Как помножить дробь на дробь?..

— Надо числителя одной дроби помножить на знаменателя другой... — запищал мальчуган.

“Все дроби на уме. Экий медведь! На меня и не смотрит!” — подумала Софья Ивановна.

Ворошилов поднял голову, встретился со взглядом молодой женщины и невольно проговорил про себя:

— Чего она все...

И продолжал рассказывать о дробях. Впрочем, искоса раза два взглянул на молодую женщину.

“Хороша!” — промелькнуло у него в голове.

— Что же дальше будет? — спросил он у ученика.

Брюнетка улыбнулась, точно этот вопрос относился к ней.

“В самом деле, что ж дальше будет? — подумала она. — А ничего. Отчего ж и не поко-

кетничать с этим медведем?” — пронеслось в ее хорошенькой головке.

Ворошилов хмуро сидел за уроком, а Софья Ивановна, как нарочно, все улыбалась да шутила.

— Отчего вы все моих пасынков мучите, Николай Николаевич?

— Как мучу?..

— Да так. Все уроки да уроки. Вы бы что-нибудь веселей умножения рассказали.

— Петр Иванович мне не за сказки деньги платит! — проговорил Ворошилов и продолжал занятия.

Софья Ивановна несколько времени помолчала и потом спросила:

— Неужто, мосье Ворошилов, у вас все математика на уме?

— Нет, не все!..

— А я думала, что только математика! — проговорила молодая женщина и рассмеялась.

“Кокетничает! — подумал Ворошилов... И если муж ревнив...”

— Впрочем, я уйду... я вам мешаю! — снова начала Софья Ивановна.

— Да. Время на разговоры уходит...

— Ну, я буду сидеть смиренно... Дети! И вы сидите смиренно и слушайте ученого человека.

Когда кончился урок и Ворошилов было хотел уходить, Софья Ивановна остановила его и сказала:

— Куда ж вы, уж бежать?

И так ласково взглянула на него.

— Пора домой! — отвечал молодой человек и снова подумал: “А ведь хороша эта кокетка!”

Ворошилов шел домой недовольный. Во-первых, у Петра Ивановича он не спросил денег — как-то не пришлось, — а во-вторых, вместо математических выкладок, которые предстояло ему сделать дома (он был студент математического факультета), в голову его лезла “все несообразность”, как он в сердцах назвал образ красивой женщины, закрадывавшийся, помимо его воли, в голову.

— Экий я глупый! Ну что изо всего этого выйдет? — поставил он себе ясный вопрос, придя домой.

И в тот же вечер отвечал на него, рассмеявшись:

— Всего верней, что добрейший Петр Иванович откажет мне от урока, и тогда опять зубы на полку... Надо держать ухо востро!..

В тот же самый вечер Петр Иванович, сидя за вечерним чаем, очевидно, был не в духе и косо глядел на жену. Сперва он, было, ничего не хотел ей говорить, но наконец не выдержал и сказал:

— Соня!.. Неужели тебе не надоело сидеть в классной?..

— А это тебе мешает, Pierre?

— Это мне, Соня, не нравится!..

— А отчего? позвольте вас спросить, — улыбнулась Софья Ивановна.

— Оттого... — сконфузился Петр Иванович, — оттого... Ну, я этого не хочу!..

— Опять сиена ревности? — подсмеялась жена.

— И ты не будешь сидеть, или я откажу Ворошилову! — вспыхнул Петр Иванович и, отодвинув стакан, быстро встал со стула и поплелся в кабинет, где долго просидел, задумавшись.

На другой день Ворошилов сидел на уроке суровой обыкновенного и, когда явилась Софья Ивановна, он ей поклонился и затем ни разу на нее не взглянул. Когда она спросила его: “отчего он такой сердитый?”, он довольно сухо ответил, что не совсем здоров, и продолжал объяснять ученикам положение городов на карте. А Софья Ивановна, как нарочно, облокотилась на руки и упорно глядела на Ворошилова.

“Экая беспокойная! — подумал молодой человек. — Тебе хорошо шутить, а мне ведь от уроков откажут!”

“И не взглянет медведь!” — думала молодая женщина и продолжала кокетничать, довольная, что убьет часа два времени.

Отворилась дверь, и вошел Петр Иванович. Он был краснее обыкновенного и несколько смутился, подавая руку Ворошилову. Буковнин сердито взглянул на жену и спросил Ворошилова:

— Что, Николай Николаевич, успевают молодцы?

— Успевают!

— Скоро и в гимназию можно... Соня! — обратился Петр Иванович к жене. — Ты бы пошла распорядилась, тебя повар ждет в столовой...

Молодая женщина улыбнулась и вышла из комнаты. Петр Иванович, понуря голову, поплелся за ней, потрепав по щекам обоих сыновей.

“Решительно потеряю урок. Петр Иванович ревнует. При чем же я-то тут?..” — подумал Ворошилов.

А в столовой в это время шла супружеская сцена:

— Софья Ивановна! Вы хотите, чтоб я отказал Ворошилову?

— Опять? — упрекнула жена.

— Да, опять! Это стыдно!

— Что стыдно?

— Да сидеть с ним...

— Ха-ха-ха... Вот Отелло!..

— К чему же вы меня раздражаете?..

— А к чему вы мне мешаете учиться?

— Не говорите вздору... Он вам нравится.

— А хоть бы и нравился?..

— Софья Ивановна! — крикнул муж.

- Петр Иванович! — ответила жена.
- Если завтра я вас увижу в классной...
- Что тогда?
- Ты увидишь! — крикнул рассердившийся муж и хлопнул дверью.

IV

“Ну, слава богу, нет ее сегодня!” — подумал Ворошилов, усаживаясь на следующий день с детьми за стол и приготавливая тетрадки для диктовки.

— Ну, господа, готовы? — спросил он мальчиков.

— Готовы!

— Пишите: У бурмистра Власа... [3] “Верно, после бала спит и хорошо делает!” Написали?

— Власа... — повторили дети.

— Бабушка Ненила... “Сегодня попрошу у Петра Иваныча десять рублей! — мечтал Ворошилов. — Верно, даст, завтра первое число!..” Починить избушку... “Куплю сапоги... Этот старший туповат!..” Лесу попросила... Точка.

Из спальни послышались рыдания.

— Лесу попросила... Написали? — громко повторил Ворошилов. “Верно, семейная драма! — подумал он. — Петр Иваныч с Софьей Ивановной вовсе не пара!”

Из-за двери доносился резкий голос Буковнина. Слышались отрывочные фразы:

— Я от жены требую... Я вас взял в одной юбке... Я не позволю шутить!

— Отвечал, нет лесу... — диктовал Ворошилов.

— Ведь это бог знает что! — раздавался голос в спальне. — Постыдитесь!..

Рыдания становились сильнее.

— “Шибкая сцена ревности...” И не жди, не будет, — громко произнес Ворошилов, желая показать, что он ничего не слышит.

— Скандал в доме! Вешаться на шею!.. Дети! — бушевал голос Буковнина.

Нет ответа. Слезы.

— “Минуй меня сия чаша!..” Вот приедет барин, — продолжал Ворошилов еще громче. — Написали?..

Но дети остановились, и младший заметил:

— Это папа мамашу бранит?

— Пишите же: вот приедет барин...

Но мальчик не слушал и продолжал:

— Папа иногда сердитый бывает...

В спальне стихло. Дети продолжали диктовку. Когда урок был окончен, лакей попросил Ворошилова в кабинет к Петру Ивановичу.

чу.

Когда Ворошилов вошел в кабинет, Петр Иваныч заговорил смущенным голосом, опустив глаза вниз:

— Вы извините меня, Николай Николаевич... Но я нашел более удобным... Конечно, вы прекрасно преподаете, но я бы хотел...

Буковнин остановился и жалобно взглянул на Ворошилова.

— Я бы хотел...

— Вы, вероятно, желаете определить детей куда-нибудь в заведение? — пришел к нему на помощь Ворошилов.

— Да... именно!.. — весело сказал Петр Иванович.

— Так я больше не приду...

— Извините меня... так внезапно...

— Что ж делать! Имею честь кланяться!..

— Прощайте, Николай Николаич, мне, право, совестно... но только детей в заведение пора!..

И, когда Ворошилов ушел за двери, у Буковнина точно гора с плеч свалилась, и он сказал:

— Баста учителей приглашать! Как раз же-

на сбежит, как описывают в романах.

“Разыгралось-таки драматическое представление”, — думал Ворошилов, возвращаясь на Петербургскую сторону. Дождь хлестал ему прямо в лицо, но он не замечал этого, думая о случившемся. — “Эка кого приревновал! А я-то чем виноват? Опять ищи уроков! Фу, ты!”

И Ворошилов даже выругался.

Вернувшись домой, Ворошилов сел писать письмо к матери, в котором извинялся, что третьего числа она не получит ежемесячно посылаемых пяти рублей. “Случай такой вышел, — писал он, — нежданно-негаданно отказали от урока, но ты, матушка, не беспокойся; я опять найду урок; только постараюсь найти урок там, где жена любит мужа и с нашим братом, голяком, не балуется”. Затем, в письме Ворошилов не без юмора рассказал о случившемся и прибавил: “Верно, супруги помирятся, и барыня плакать не будет, а успокоится, найдя отраду своему сердцу в более изящном юноше, чем твой сын. Опыт заставит ее обманывать своего мужа остроумнее”.

В тот же день Ворошилов пошел к приятелям и рассказал о своем горе. Приятели обещали сыскать урок.

С полмесяца поголодал он и хоть утверждал, что чаю не хочется, тем не менее Агафья заставляла его пить лишний ее чай и изредка приносила ему обедать.

Через полмесяца Ворошилов получил урок за тридцать рублей в месяц и снова ожил. Живет он по-прежнему впроголодь и скоро будет держать экзамен. Так живут многие из учащихся молодых людей. Еще хуже живут! Куда хуже!

Впервые — в журнале “Искра”, 1869, № 6.

Примечания

1

Томпаковая медь — специальный сплав меди с цинком, разновидность латуни, применяемая для производства хозяйственных предметов.

[^^^]

2

Тальма — женская длинная накидка без рукавов.

[^^^]

3

“У бурмистра Власа...” — из стихотворения
Н.А.Некрасова “Забытая деревня” (1855).

[^^^]